

Из жизни о. Нила, иеромонаха Макарьевской пустыни

Известия по Казанской епархии, 1898 г.

О. Нил, в миру Николай Васильевич Хрисогонов, родился в селе Девликееве, Казанского уезда, отстоящем от г. Казани в 12 верстах. Родитель его был Василий Гаврилович Хрисогонов, более 30 лет служивший священником в этом очень бедном приходе, и перешел затем в село Астраханку Лаишевского уезда, где и скончался. Кроме покойного Николая Васильевича, в семье их был другой сын Александр, умерший вскоре по окончании курса наук в Казанской духовной семинарии, и три дочери, из которых две были в замужестве за священниками Сокольским и Вознесенским и одна осталась в девицах, и уже в зрелом возрасте последовала примеру брата своего Николая и поступила в Свяжский женский монастырь, где и проживает в настоящее время в иночестве под именем матери Юлии.

Родители о. Нила отличались строгой воздержанной жизнью, и воспитывали детей своих в строгости и послушании. Сбережений никаких не имели, так что, если и оставалось что либо у них экономии, то оделяли нищую братию, которой очень охотно помогали, особенно странникам-богомольцам, для которых устроено было особенное специальное для них помещение в нижнем этаже дома, где нередко можно было встретить богомольцев, отдохавших по нескольку дней, хотя и на скудном содержании.

Окрестные старожилы, как мне доводилось самому слышать, и сейчас помнят, как в знойные летние дни, во встречу в Казани Смоленской Божией Матери, когда стекаются в города со всех сторон тысячи богомольцев, о. Василий из села Девликеева, вывозил на дороги большими кадками хорошо и нарочно к этому времени приготовленный квас, для безвозмездного утоления жажды богомольцев, идущих по дорогам на встречу Смоленской Божией Матери и обратно; богомольцы с великим удовольствием утоляя жажду, благодарили неизвестного благотворителя.

Эти примеры еще с малолетства вселили в душу сына Николая ту любовь к ближним сирым и нуждавшимся убогим, которая проявлялась затем у него во всю его жизнь.

Желание родителей видеть сыновей своих Николая и Александра в духовном сане священника не осуществилось, хотя и не мало потрачено было средств и забот. Николай из первых классов Казанской духовной семинарии вышел и поступил на гражданскую службу, а другой сын, как сказано выше, помер вскоре по окончании курса в семинарии.

Николай Васильевич Хрисоногов поступил на службу в Казанскую казенную палату по контрольному отделению и через некоторое время назначен был помощником контролера. За свою усердную службу и нравственные качества (не брал взятки) многократно командирован был в комиссию по рекрутским наборам. В то старинное время от таких командировок чиновники наживали большие средства, но покойный Николай Васильевич выделялся совершенно противным, за что постоянно и был выбираем начальством для таких командировок. Тем не менее, такие командировки были небезвыгодны и для Н.В. Хрисоногова, у которого сохранялись в экономии командировочные денги и кое-какие сбережения от частных его трудов в свободное время по написанию разных прошений, заявлений и бумаг в рекрутские присутствия. Н.В. жил уединенным; знакомства ни с кем не вел, и кроме близких своих родственников, никого к себе не принимал; такой воздержанной и экономной своей жизнью успел скопить небольшую сумму, на которую приобрел свой дом на Троицкой улице за Булаком. Ведя строгую жизнь холостяка и имея прислугой всегда пожилых старух, он в бедной части города прослыл за состоятельного человека, и во время его отсутствия на службу, пользуясь дряхлостью прислуги, раза три посещали его воры, ища его капиталов, но им никогда не удавалось похитить таковых. Однажды оставшейся старухе нанесли много ран, и едва ли она после того не умерла. Не безынтересно было слышать от самого Н.В. о месте хранения им своих сбережений. Опасаясь в то время воров и не надеясь вполне на свою прислугу, он небольшие свои сбережения не отдавал из процентов в бывшие тогда приказы (банков не было) и не хранил за какими-нибудь запорами, а держал в обыкновенной плевальнице под песком, всегда на виду в зале, которое в отсутствие свое запирали.

В возрасте около 35 лет Н.В. Хрисоногов возымел было намерение жениться, и нашел себе подходящую по его мнению невесту, дочь простого солдата-барабанщика, скромного поведения, работающую и доброго характера. Выбор такой невесты сильно не понравился его родителям, которые не только не дали ему благословения на брак с такой невестой, но покойный его родитель, чтобы расстроить и не допустить такого неровного брака, тот час же, как узнал об этом, поехал к председателю казенной палаты, где покойный служил, и упросил его не давать сыну разрешения на брак. Это так подействовало на Н.В., что он, продав дом, оставил гражданскую службу, и выйдя в отставку, уехал к своим родителям в г. Тетюши, где, проживши некоторое время в уединении и постоянно гуляя в отдаленных местах от города, надумал путешествовать по святым местам, и отправился сначала по России, а затем побывал: в Иерусалиме, Италии и на Афоне, который так ему понравился, что он намеревался остаться там навсегда, и просил о принятии его в число Афонской братии; но старцы монастырей и разных скитов на Афоне внушил ему, чтобы он прежде поступления своего туда, послужил бы старцам сбором пожертвований, ибо в то время монастырские обители и скиты крайне нуждались во всем.

Следуя советам Афонских старцев, он, возвратившись на родину, приложил все свое старание к сбору пожертвований на Афон и с таким успехом исполнил свое послушание, что удивлял многих количеством сборов, отправляемых туда не только деньгами в золоте, но и холстом, и материями – на одежду старцам, кожами, сапогами и вообще всем необходимым для носильного платья. Поступив затем вскоре послушником в Макарьевскую пустынь, которая своим местоположением напоминала ему св. Афонскую Гору, он не переставал препровождать туда все пожертвования. Склад всех таких пожертвований находился тогда у известного в Казани благотворителя и странноприимца Семена Михайловича Чиркова (недавно скончавшегося), беседуя с которым подолгу, мне кажется, о. Нил и настроил его на тот путь благочестивого жертвователя и страннолюбца, которым покойный С.М. Чирков отличался всю жизнь. Вскоре после поступления в Макарьевскую пустынь о. Нила, на него возложен был сбор пожертвований на постройку большого храма в этой пустыни, остававшегося тогда недостроенным. О. Нил в самое короткое время собрал несколько тысяч на эту пустынь. Мне известно, что через руки о. Нила перешли большие капиталы на вечный вклад для этой пустыни за молитву по усопшим жертвователям. Были случаи, когда и я, по просьбе о. Нила, вносил в банки передаваемые им мне капиталы от неизвестных жертвователей на вечный вклад для этой пустыни.

Проживши несколько лет в этой пустыни и переслав на святую Афонскую Гору в разное время значительные пожертвования, о. Нил вновь с благословения Архипастыря Казанского отправился туда, в полной надежде остаться там навсегда, так как надеялся, что за все его труды по сбору пожертвований примут уже его там. Но не суждено было осуществиться его желанию. Старцы, видя в нем незаурядного сборщика и ревнителя интересов св. Афонской Горы, настояли опять на том, чтобы он, пока есть у него силы и здоровье, потрудился еще на пользу св. Афонской Горы. По возвращении его вновь на родину, в благословение и в дар от св. Афонской Горы Макарьевской пустыни привезена была им с собой большая икона Св. Великомученика Пантелеимона с частицею его св. мощей и с законным об этом свидетельством (что можно видеть из печатного текста на обороте св. иконы, находящейся в пустыни). Этот драгоценный дар Макарьевской обители был редким в то время, потому что в Казанской епархии нигде не было подобных икон Св. Пантелеимона с его целебными мощами. (Ныне находятся в Покровской и Георгиевской церквях и, кажется, в некоторых других). Такой дар Макарьевской обители много в свое время привлекал богомольцев в эту пустынь и послужил достаточным обеспечением в средствах бывшего когда-то очень бедного монастыря.

Наконец, собираемые пожертвования и отсылаемые значительными суммами на св. Афонскую Гору обратили внимание здешнего Епархиального Начальства, которое всячески стремилось убедить покойного о. Нила – труд свой по сбору пожертвований обратить на здешние нуждающиеся монастыри и на сбор в пользу бедных вдов и сирот духовного звания, призреваемых Попечительством. Один из преосвященных, зная, что покойный о. Нил был мне двоюродным братом и что он, покойный, был особенно ко мне расположен, советовал даже мне уговорить покойного переменить сбор пожертвований на местные нужды. Не присваивая себе случившейся перемены в покойном о. Ниле во взглядах на сбор пожертвований и относя эту перемену более к убеждениям покойного Высокопреосвященного Антония, знавшего о. Нила коротко, о. Нил уменьшил свое рвение по сбору пожертвований на Св. Афон, хотя время от времени, почти до самой своей смерти, пересылал туда небольшие суммы, получаемые им с почты от ежегодных постоянных добрых жертвователей. В это время покойный о. Нил предавался особенной молитве, и если можно так выразиться, зачитывался книгами Св. писания и толкованиями св. Отцов. Наложил на себя нелегкие железные вериги (которые остались после покойного) и впал в юродство. Многие из его почитателей, бывавших в его келии назад тому 15-20 лет, помнят, вероятно, различные надписи его грехов на входных дверях в его келию, находившуюся в отдельном деревянном домике; помнят, думаю, и то, как он, любивший всяких странников и принимавший их в своей келии, мыл ноги у них, и с благоговением пил воду, сливавшуюся с ног после омовения. Покойный Высокопреосвященный Антоний в каждый приезд в Макарьевскую пустынь посещал его келию и беседовал с ним; и тот не освободился у о. Нила от омовения ног. Мне передавали за верное, что однажды Высокопреосвященный Антоний в обычный свой приезд в Макарьевскую пустынь, при входе в его келию, застал о. Нила лежащим у порога, и взывавшим к высокопреосвященному словами «гряди по мне» и что Высокопреосвященный вместо того, чтобы перешагнуть через него, ударил его своим посохом и заставил встать. Едва ли после этого случая и беседы с Преосвященным, о. Нил много изменился, оставил свое юродство, и занялся сборами на бедных вдов и сирот духовного звания и на эмеритальную кассу для духовенства. За пожертвованиями на бедных вдов и сирот покойный о. Нил обращался не только к лицам православного вероисповедания, но и к католикам, лютеранам и старообрядцам; бывали неоднократные случаи жертвы и от лиц даже магометанского и иудейского вероисповедания, что видно из донесений его Архипастырям о ниспослании жертвователям Божия благословения. Хлопотал покойный о. Нил не о сумме только пожертвований для сирот, но даже и о количестве жертвователей, (которых ежегодно подписывалось у него на сборных листах более 1200 человек), сознавая, что этим самым он делает доброе дело и пользу для души жертвователей. Он не обременял жертвователей ежегодными своими просьбами, а как бы чередовал их, и очень радовался, когда находил новых жертвователей. Исключением были те только жертвователи, которые сами желали его ежегодных посещений. В последние 5-6 лет по сбору пожертвований, покойный о. Нил ходил по большим торговым селам и деревням, где в праздничные дни в церквях сказывал поучения. В крестьянских семьях любимой его темой в разговорах были большей частью беседы о миролюбивой согланой семье.

Казанскому Епархиальному Попечительству, сделавшему такое важное постановление (1 августа 1896 год №58) о молитве за усопшего о. Нила, ревнителя сборов на бедных вдов и сирот духовного звания, не известно, конечно, что покойный о. Нил не менее, если даже не более всего был благодетелем сирот и не духовного звания многим: единовременными и постоянными пособиями. Многие из бедных сиротствующих жителей г. Свияжска, а некоторые из Казани, равно и окрестные крестьянские сиротствующие семьи обращались к нему за пособиями, и о. Нил, убедившись в действительной крайности и нужде, одним единовременно, а другим ежегодно оказывал свою помощь, выдавая деньгами от 1 до 5 рублей. Для этого покойный о. Нил имел особый источник. Много посещало его разных богомольцев и странников, бывших на поклонении в Макарьевской пустыни. О. Нил всегда имел у себя образочки, большую часью на полотне или атласе, недорогие книжки и брошюры религиозного содержания и жития избранных святых, которыми после бесед с посещавшими и оделял на память. Лицам, более или менее состоятельным, после предложения подписать на бедных вдов и сирот духовного звания, указывал и на других бедных, крайне нуждавшихся и ему известных, и получал пожертвования, которые затем и раздавал по своему усмотрению. В благодарность за такие пожертвования, он дарил жертвователям подарки на память и в благословение, состоящие из сказанных образков и книжек. Из этих же сумм он оделял и тех из странников, посещавших его, которые нуждались в помощи. Обыкновенным повседневным нищим он не любил подавать милостыню, а тем более копейки (как это вообще практикуется у многих), но, когда убедится в их крайней нужде, то выдавал им от 20 до 50 коп., а иногда и рублю, и неопустительно после того, как бы ни была мала оказываемая помощь, записывал в свой памятный реестр, ежегодно заводимый вновь, помещая почти всю биографию просящего, имя, звание, фамилию, семейное положение, занятие, и даже выдававшиеся в его жизни замечательные случаи. Мне много раз доводилось видеть эти книжки в 8-ю долю листа, аккуратно выведенные, толщиной до 200 листов, в которых по транспорантам значились раздачи в год от 700 до 900 руб. Покойный о. Нил имел хороший почерк и слог изображения своих мыслей. Письма свои к кому бы то ни было писал весьма обширные. Свободное от молитвы время он употреблял или на чтение книг Св. писания или на письмо, не редко просиживая всю ночь на стуле при огне, и тут же, забывшись уснет, очнется, и опять примется за письмо или чтение. К такому, не совсем удобному сну, он настолько привык, что многие, знавшие его и принимавшие у себя, вероятно, имели случай убедиться, как покойный нередко засыпал в беседе с окружающими. Достаточно бывало для него и такого сна, чтобы восстановить силы.

Статский советник М.А. Хрисоногов